
18+

KoTiKvKeDaH /

Кровь двух миров

«Автор»
2026

/ K.

Кровь двух миров / K. / — «Автор», 2026

Что если однажды принц Преисподней — наследник, привыкший получать ответы силой, властью или страхом — узнаёт, что у него есть сестра скрытая ото всех в мире смертных?Какова вероятность того, что именно ему — наследнику тьмы, привыкшему к власти и приказам — придётся искать эту «особенную» девушку? Не зная ни лица, ни имени. Только чувствуя, что где-то в мире смертных горит огонь, который не должен был родиться.Один принц. Одна тайна — девушка, которая ещё не знает, что за ней уже идут.

© / K., 2026
© Автор, 2026

Содержание

#Глава первая: Возвращение в Лхасу 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Кровь двух миров

#Глава первая: Возвращение в Лхасу

Воздух на вершине был разреженным и холодным — тем особенным утренним холодом, который проникает в самые лёгкие, заставляя кровь бежать быстрее, а мысли становиться прозрачными, как горный хрусталь. Скарлет почти не замечала этого холода. Она стояла босиком на влажном от росы камне и позволяла ветру касаться её лица.

Платиновые волосы струились за спиной, словно жидкое серебро, переливаясь в лучах восходящего солнца. Они были настолько светлыми, что казались почти прозрачными на фоне тёмного неба, и лишь когда солнечный свет падал под определённым углом, в них проступал лёгкий, едва уловимый голубоватый отлив — будто в самих прядях застыл кусочек ледника. Волосы были густыми и плотными, но при этом невесомыми, как шёлк, и ветер легко играл с ними, поднимая отдельные пряди и закручивая их в причудливые спирали. Даже в неподвижности они не лежали мёртвым грузом: они мягко ложились волнами, подчёркивая хрупкую элегантность её фигуры, и при каждом резком движении вспыхивали холодным блеском, словно в них отражался лунный свет.

Её лицо было тонким, аристократичным — высокие скулы придавали ему холодную чёткость, а чуть заострённый подбородок выдавал упрямую верность своим принципам. Тонкая линия губ почти всегда была сдержанной: Скарлет не разбрасывалась словами, предпочитая действовать, и лишь лёгкая полуулыбка, которая иногда касалась уголков её рта, выдавала скрытую за этой маской игривость. В её лице была та особенная порода, которую невозможно подделать — не поза, не маска, а внутренняя дисциплина, отшлифованная веками и ответственностью, которую она несла.

Но главное — её глаза. Большие, выразительные, холодного голубого оттенка — такого чистого и пронзительного, что казалось, будто они сканируют собеседника насквозь, выхватывая то, что другие не замечают. Взгляд у неё был тяжёлый, оценивающий, но в нём не было жестокости — только та особенная зоркость, которая приходит к тем, кто слишком долго был вынужден смотреть на мир с опаской. Когда она злилась или в ней пробуждались сильные эмоции, цвет её глаз мог меняться: в глубине вспыхивали красные или тёмно-алые искры, словно в радужке пробуждалось пламя. Это не была слепая ярость — так отзывалась её кровь, когда границы терпения истончались до предела. Но сейчас, в это спокойное утро, её глаза были чистыми, как горное озеро, и в них отражались только небо и далёкие вершины.

Лёгкий топ из дышащей чёрной ткани облегал её фигуру, открывая загорелую кожу плеч и тонкую талию. Её тело было подтянутым и гибким — не хрупким, а скорее обманчиво изящным, как у хищницы, которая умеет быть плавной, когда нужно, и молниеносной, когда выбора не остаётся. Длинные ноги и тонкая талия создавали силуэт, в котором чувствовалась сила, а плечи, очерченные так, что в каждом движении читалась готовность к рывку, выдавали ту, кто привыкла быть всегда наготове. Спортивные штаны сидели идеально, не сковывая движений, и, несмотря на кажущуюся простоту наряда, в нём была та особая элегантность, которая присуща тем, кто не нуждается в украшениях, чтобы быть замеченным.

Она закрыла глаза и сосредоточилась на внутреннем ощущении стихий. Огонь пульсировал где-то в груди — горячий, живой, нетерпеливый. Он всегда был с ней, сколько она себя помнила. Когда она злилась, он вспыхивал в её ладонях багровыми искрами. Когда она была счастлива, он танцевал в её груди тёплым, уютным пламенем. Огонь был её сутью, её характером, её самой сокровенной частью. Он не терпел лжи и фальши, он был яростным и живым, как она сама. Вода текла по венам прохладной рекой, успокаивая и уравновешивая — она помогала ей оставаться гибкой, когда обстоятельства требовали уступок. Воздух кружился вокруг

неё, шепча о далёких землях, о тех местах, где она ещё не была, но куда обязательно попадёт. А земля под ногами гудела глубоким, устойчивым ритмом, словно сердце самой планеты, напоминая ей, что у неё есть опора, есть корни, есть место, куда можно вернуться.

Однако основной и самой любимой стихией для Скарлет оставался огонь. Он всегда был с ней, сколько она себя помнила. Когда она злилась, он вспыхивал в её ладонях багровыми искрами. Когда она была счастлива, он танцевал в её груди тёплым, уютным пламенем. Огонь был её сутью, её характером, её самой сокровенной частью. Он не терпел лжи и фальши, он был яростным и живым, как она сама.

Но сегодня что-то было не так. Огонь внутри неё не успокаивался. Он трепетал, словно предчувствуя что-то важное. Скарлет пыталась сосредоточиться, успокоить его, но он упрямо вырывался из-под контроля, заставляя её дыхание становиться чаще:

«Что с тобой?»* — мысленно спросила она, обращаясь к пламени внутри себя — *«Ты никогда не ведёшь себя так без причины». Но огонь не отвечал. Он только пульсировал сильнее, словно пытался сказать ей что-то, что она не могла услышать. Скарлет нахмурилась и попыталась направить его энергию в землю, как учил её Лобсанг, но огонь упрямо вырывался, заставляя воздух вокруг неё искриться.

Скарлет сделала вдох. Пламя внутри дрогнуло и успокоилось. Вода отступила в глубину. Воздух перестал рваться в разные стороны. Четыре стихии не подчинялись ей слепо. Они признавали её силу, но требовали равновесия. Стоило ей позволить страху взять верх или спрятать гнев за привычной усмешкой — и гармония рушилась.

— Ты слишком сильно давишь на воздух, — раздался низкий, с лёгкой хрипотцой голос у неё над ухом. — Он не любит, когда его сжимают. Он любит, когда с ним танцуют. — На плечо Скарлет опустился огромный чёрный ворон. Его перья отливали синевой, а разумный взгляд делал его непохожим на обычную птицу.

Скарлет не открывая глаз, усмехнулась. Голос был ей знаком до мельчайших интонаций — он принадлежал тому, кто был с ней дольше, чем любой монах, дольше, чем любая семья. Тому, кто видел её в самые тёмные моменты и никогда не отворачивался. — Ты бы предпочёл, чтобы я просто плясала тут, как ты со своей любимой вороной на ветке?

— Я — ворон, а не ворона, — поправил Мурасамэ, бесшумно опускаясь на её правое плечо. Его чёрные перья блестели на солнце, как полированный обсидиан, а в умных тёмных глазах плясали искорки насмешки. — Я куда изящнее, если ты не заметила. И я, знаешь ли, древнее существо, а не какая-то дворовая птица, которая клюёт крошки у порога.

Скарлет наконец открыла глаза — холодные, голубые, с лёгким хищным прищуром. Она повернула голову, чтобы посмотреть на него, и в её взгляде мелькнула та самая искорка, которую она обычно прятала от посторонних. — Заметила, заметила. Ты у нас не просто ворон, а король сарказма и язвительных комментариев. Я в курсе.

— Всего лишь король? — Мурасамэ склонил голову, делая вид, что обижен. — Я думал, я как минимум император. После стольких тысячилетий практики я заслужил хотя бы титул.

— Тебе более девяти тысяч лет, а ты всё ещё сидишь на моём плече и критикуешь мою технику, — фыркнула Скарлет, хотя в голосе слышалась тёплая насмешка. — Может, мне стоит найти кого-нибудь более вежливого? Например, какого-нибудь милого котика?

Мурасамэ наклонил голову, внимательно глядя на неё и его клюв был всего в паре сантиметров от её виска.Мурасамэ наклонил голову. Клюв оказался всего в нескольких сантиметрах от её виска. — Котика? — переспросил он с таким презрением, что Скарлет едва сдержала смех. — Ты хочешь заменить древнего стража и мудреца на пушистого зверька, который будет спать у тебя на коленях и просить еду? Это оскорбительно.

— Ой, ну прости, — она улыбнулась, и в её голосе послышались нотки примирения. — Я просто пошутила. Ты у меня самый лучший, самый мудрый и самый язвительный ворон во всех мирах. Доволен?

— Почти, — Мурасамэ приподнял голову, изображая королевское достоинство. — Но если ты продолжишь в том же духе, я начну каркать тебе в ухо каждый раз, когда ты будешь пытаться медитировать.

Скарлет рассмеялась — тихо, но искренне. Мурасамэ был одним из немногих, кто мог позволить себе говорить с ней без почтения, страха или скрытого расчёта. Он не видел в ней ни знаменитость, ни наследницу загадочной силы. Для него она оставалась той же девочкой, которую он когда-то повстречал, — упрямой, испуганной и слишком гордой, чтобы признаться, что ей страшно.

— Ладно, ты победил, — она подняла руки в шутливом жесте капитуляции. — Никаких котиков. Только ты, моя ворона-император.

— Я ворон, — поправил он с достоинством, но в его голосе слышалась довольная нотка. — И ты это знаешь. — Мурасамэ замолчал на мгновение, и Скарлет почувствовала, как по их связи пробежала волна напряжения — холодная, острая, чуждая недавней лёгкости. Ворон редко замолкал просто так. За долгие годы она научилась различать оттенки его молчания: задумчивость, раздражение, усталость. Сейчас же это было предупреждение.

— Что случилось? — спросила она тихо, и в её голосе не было привычной игривости — только тихая, настороженная серьёзность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.